

Научная статья
УДК 008+304.42:32-024
DOI: 10.20323/2658-7866-2025-3-25-151
EDN ZTNSOR

Поморская торговля
как феномен диалога «культуры поля» и «культуры моря»

Регина Алексеевна Пшенко

Аспирант, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск

pshenkoregina@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-1353-5800>

Аннотация. Статья посвящена анализу *поморской торговли* как историко-культурного явления, возникшего на границе русской и норвежской культур в ходе совместной экономической деятельности. Исследование рассматривает географические, технологические и политические факторы, способствовавшие взаимодействию населения Подвinya и Беломорья с промышленниками из Северной Норвегии на территории Мурмана (в акватории Баренцева моря у северного побережья Кольского полуострова). Разнообразные географические характеристики создавали симметричную взаимозависимость, а технологические достижения и политические условия способствовали устойчивым контактам носителей «культуры поля» (русскоязычного населения) и «культуры моря» (северных норвежцев). В статье представлен анализ норвежского архивного документа “Opgjørsbog for Pomorer og Russer B” – расчетной книги, фиксирующей сделки между русскими и норвежцами. В ходе личных контактов осуществлялся диалог культур, предполагающий интеграцию в профильной сфере деятельности и разделение в области сакрального, что определяет векторы взаимного притяжения и отталкивания. Этот феномен реализовался в создании нового лингвокультурного пространства, представленного русско-норвежским пиджином Руссенорск. Деловые и личные связи способствовали доверительным отношениям, служили источником культурной диффузии, способствуя заимствованию имен, обычаев и традиций. Однако противоречия между православной и лютеранской духовными традициями оставались важными элементами, определяющими границы культурной самобытности. *Поморская торговля* была примером эволюции культур через взаимодействие и адаптацию – усвоение «своего» и отбрасывание «чужого» по отношению к их генетическому коду. *Поморская торговля* представляла собой не только взаимовыгодное экономическое явление, но была каналом межкультурной коммуникации на основе признания самобытности субъектов этнокультурного диалога.

Ключевые слова: поморская торговля; Северная Норвегия; Север России; Беломорье; культурный диалог; межкультурная коммуникация; культурная диффузия; руссенорск

© Пшенко Р. А., 2025

Для цитирования: Пшенко Р. А. Поморская торговля как феномен диалога «культуры поля» и «культуры моря» // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 3 (25). С. 151–163. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-3-25-151>. <https://elibrary.ru/ZTNSOR>.

Original article

Pomor trade as a phenomenon of dialogue between “culture of the field” and “culture of the sea”

Regina A. Pshenko

Postgraduate student, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk
pshenkoregina@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-1353-5800>

Abstract. The article analyses *pomor trade* as a historical and cultural phenomenon that emerged at the intersection of Russian and Norwegian cultures due to joint economic activities. The study examines geographical, technological, and political factors that facilitated the interaction between the population from “Podvinie” and the White Sea regions and some industrialists from Northern Norway in the Murman area (in the Barents Sea off the northern coast of the Kola Peninsula). Various geographical characteristics created a symmetrical interdependence, while technological advancements and political conditions contributed to stable contacts between the bearers of the “land culture” (Russian-speaking population) and the “sea culture” (Northern Norwegians). The author analyses the Norwegian archival document *Opgjørsbog for Pomorer og Russer B* – a ledger recording transactions between Russians and Norwegians. Personal interactions facilitated a cultural dialogue that involved integration in the secular sphere of activity while maintaining separation in the field of the sacred, shaping the vectors of mutual attraction and repulsion. This phenomenon led to the emergence of a new linguistic and cultural space, represented by the Russian-Norwegian pidgin *Russenorsk*. Business and personal contacts promoted trusting relationships, which served as a source of cultural diffusion, contributing to borrowing names, customs and traditions. However, the contradictions between Orthodox and Lutheran spiritual traditions remained significant factors defining the boundaries of cultural identity. *Pomor trade* exemplified the evolution of cultures through interaction and adaptation – assimilating the “familiar”, while rejecting the “foreign” in relation to their cultural DNA. *Pomor trade* was not only a mutually beneficial economic phenomenon, but also a channel for intercultural communication based on the recognition of the national identity in this ethno-cultural dialogue.

Key words: pomor trade; Northern Norway; Northern Russia; White Sea region; cultural dialogue; intercultural communication; cultural diffusion; *russenorsk*

For citation: Pshenko R. A. Pomor trade as a phenomenon of dialogue between “culture of the field” and “culture of the sea”. *World of Russian-speaking countries*. 2025; 3(25): 151–163. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2025-3-25-151>. <https://elibrary.ru/ZTNSOR>.

**Географические
и экономические предпосылки
*поморской торговли***

Эволюционный путь культуры – это умножение своего и отбрасывание чужого: того, что не соответствует генетическому коду взаимодействующих культур. Между тем в силу различных обстоятельств диалог культур может начинаться с факта присутствия одной культуры в другой. Рассмотрим опыт диалога русской культуры («культуры поля») и норвежской культуры («культуры моря») в рамках феномена *поморской торговли*. Поморская торговля – система экономических связей между Севером России и Северной Норвегией. Зарождение *поморской торговли* восходит к XIII в., когда новгородцы в ходе организованных экспедиций выходили в Белое море и в Северный Ледовитый океан вдоль берегов Норвегии [Аристов, 1866; Шаскольский, 1965].

Возникновение *поморской торговли* как уникального социокультурного явления обусловлено географическими, технологическими и политическими факторами. Территория Северной Норвегии с субарктическим – континентально арктическим – климатом не была предназначена для ведения сельского хозяйства, к тому же Северная Норвегия отрезана от южных районов государства горной цепью, что препятствовало транспортному сообщению. Однако берега Северной Норвегии омываются теплым Атлантическим течением с большими

запасами рыбы. Средняя глубина Норвежского моря составляет примерно 1 700 м, тогда как максимальная достигает 3 970 м. Население Северной Норвегии могло рассчитывать только на рыбные ресурсы, а зерно, хлеб и древесина должны были поставляться извне. Вторая сторона коммуникации – население Севера России, а именно побережья Белого моря и Подвинья, обладали другим набором географических условий, которые определяли развитие территории. Белое море – мелкое шельфовое холодное, закрытое ледовым покровом на протяжении 6–7 месяцев ежегодно. Средняя глубина Белого моря составляет примерно 67 м, а абсолютная глубина достигает 343 м. Север России был связан с южными районами государства путем рек и системы волоков, что позволяло беспрепятственно поставлять необходимые товары. К тому же большая часть территорий покрыта лесом, что являлось источником древесины и пушнины. Наличие хороших строительных материалов играло важную роль в развитии судостроения.

В Беломорье было достаточно строевого леса, который использовался для судостроения. Духовным, культурным, военным и хозяйственным центром всего Беломорья со второй половины XV в. становится Спасо-Преображенский мужской монастырь, расположенный на Соловецких островах. Основой монастырского хозяйства были морские промыслы: солеварение, зверобойка (охота на морского зверя) и

рыболовство. Морские промыслы требовали развития судостроения. Монастырские крестьяне и трудники шили лодьи, карбасы, дощанники, кочи и другие суда, предназначенные для перевозки грузов и людей, для промыслов в условиях Белого моря и Северного Ледовитого океана [Загоскин, 1910]. Коч – основное торговое и промысловое судно поморов с закругленным корпусом, усиленное для плавания во льдах. Лодьи были меньшего размера, но более маневренные; они предназначались для плавания в заливах и мелководных реках. В развитии морской судостроительной технологии участвовало все население прибрежных территорий Беломорья. Дощанники были чуть крупнее карбасов, имели большую грузоподъемность. Разнообразие типов судов свидетельствует о широком диапазоне хозяйственных задач, решаемых с их помощью. В Северной Норвегии технологии вылова и заготовки рыбы (главным образом трески) также способствовали усовершенствованию торговых связей с населением Беломорья. Так как *поморская торговля* в основном осуществлялась летом, когда поморы могли беспрепятственно прийти в Норвегию, рыба не могла быть заморожена, и ее сушили. Сушеная треска имела долгий срок хранения и могла использоваться в течение всего года. Вторым распространенным способом приготовления было соление. С помощью соления заготавливались треска, сельдь и палтус. В отдельных случаях использовали копчение, маринование и фермента-

цию. Иногда русские покупали свежую рыбу и солили ее самостоятельно, однако для соления использовали купленную в Норвегии соль, которая была более высокого качества [Шрадер, 2008].

Политические факторы

Важную роль в развитии *поморской торговли* сыграла государственная политика. На первых этапах, когда торговля между населением Севера России и Северной Норвегии не носила регулярный характер, она практически не регламентировалась со стороны государства. Однако с нарастанием темпов торговли, происходили изменения, которые не всегда вели к планомерному развитию. Отношения России и Норвегии имели характер притяжения-отталкивания. В XVII в. поморы пользовались торговыми привилегиями и могли вести свободную торговлю, в том числе с Норвегией. Государство поддерживало развитие портов, в особенности Архангельска, через который шла внешняя торговля. Далее с периодическими ограничениями и послаблениями со стороны России и ответными мерами со стороны Норвегии, *поморская торговля* продолжалась до 1917–1920 гг. Характер отношений отслеживается через законодательные акты и указы со стороны России, касающиеся налогообложения торговли с регионами и другими государствами, а также планами по развитию Архангельска как морского порта. Со стороны Норвегии также существовало большое количество нормативных актов, которые

регламентировали торговую деятельность, налогообложение, а также условия прибывания русских на территории Норвегии.

Наиболее активной фазой русско-норвежской торговли принято считать XVIII–XIX вв., тогда русские суда приходили к берегам Норвегии регулярно. Помимо торговли поморам разрешалось самостоятельно ловить рыбу, однако они могли делать это только за пределами территориальных границ Норвегии (территория Норвегии включала одну морскую милю, что приблизительно равно 7 453 м). Сохранились сведения из записки губернатора Финнмарка – Амтманна Фьельдстеда от 1775 г., что «в области Финнмарк находится большое количество русских судов и промысловиков» [Friis, 1971, p. 268]. Согласно источнику, русские построили 13 жилищ на острове Сёрёйа (от нор. Sørøya), а некоторые из них даже перезимовали там. Также в данной записке указано количество судов, стоящих в Финнмарке, среди которых: «36 на Сёрёйе (от нор. Sørøya), в Хаммерфесте (от нор. Hammerfest) – 15, а в Масёй (от нор. Måsøy) – 63. Еще 19 русских судов стояли на якоре в Кьелвике (от нор. Kjelvik) на острове Магеройя (от нор. Magerøya), 3 – в Кьёлле-фьорде (от нор. Kjøllefjord) и 29 – в Омганге (от нор. Omgang); 79 судов находилось в Вардё (от нор. Vardø), команда каждого судна была 4–5 рыбака» [Friis, 1971, p. 268].

Регулярность контактов в первую очередь обусловлена симметричной созависимостью от по-

морской торговли населения Северной Норвегии и Севера России. Симметричные экономические отношения позволяли сторонам определять относительную обменную стоимость своих товаров, будь то обмен деньгами или бартер. «Симметрия – это отношения симбиоза, когда обе стороны выигрывают, что в следствии улучшает их собственные адаптации» [Thuen, 1993, p. 4]. В случае с меновой торговлей установить относительную обменную стоимость было сложнее. *Во внимание брались несколько условий:*

- вид рыбы;
- количество русских судов, прибывавших за товаром в Норвегию;
- климатические условия конкретного рыболовного сезона;
- субъективный фактор.

Поморская торговля не всегда была бартерной, к концу XIX в. она приобретала черты полноценной торговли, где товар выкупался за деньги [Bratrein, 1992]. Северная Норвегия получила возможность импортировать высококачественную пшеничную муку из южных регионов, что снизило зависимость от российской ржаной муки [Bratrein, 1992]. Это также отразилось и на общем сокращении поморской торговли.

Межличностное взаимодействие

Высокая интенсивность связей Норвегии и России приводила к межкультурному взаимодействию между представителями различных культур: устанавливались довери-

тельные деловые контакты, а также различные формы персональной коммуникации русских и жителей Норвегии [Шрадер, 2020]. С целью подтверждения регулярности контактов нами была проанализирована книга расчетов (от нор. oppgjørsbøk) “Oppgjørsbog for Pomorer og Russer B”, которая отражает детали коммерческих сделок компании Brodtkorb handler A/S в 1899–1907 с русскими. Компания Brodtkorb handler A/S была основана Андреасом Эбенсенсом Бродткорбом (от нор. Andreas Esbensen Brodtkorb), который получил торговую лицензию в Вардё (от нор. Vardø) в 1829 г. [Brodtkorb Handel A/S, 2020]. Компания специализировалась на торговле рыбой и рыбьим жиром. Одним из направлений деятельности была торговля с русскими. В книге указаны имена шкиперов или тех, с кем осуществлялся обмен, объемы товара, сделан расчет в норвежских кронах и русских рублях. К примеру, о Николае Саматином составлено 9 листов. Указано, что он приходил в 1899 (л.26), 1900 (л.98), 1901 – 2 раза (л. 114, 122), 1902 (л.178), 1904 (л.302), 1905 (л.316) и в 1906 г. (л.364) [Oppgjørsbog for Pomorer og Russer B]. Помимо Николая, также упоминаются Александр, Пётр и Андрей Саматины (л. 18, 52, 75, 80, 131, 182, 306, 331, 364) [Oppgjørsbog for Pomorer og Russer B]. Большинство имен встречается многократно, корабли приходили ежегодно ориентировочно в одно и то же время – с апреля по октябрь, однако наибольшее количество – в июне и июле.

В данной расчетной книге также встречаются имена Федора Сметанина и Андрея Сметанин (л.9, 10, 20) [Oppgjørsbog for Pomorer og Russer B]. Династия Сметаниных известна тем, что они занимались зверобойным промыслом, а также скупали рыбу в Норвегии и продавали в Архангельске. «Отец, Борис Романович (1866–1947) ходил на судах по найму от Сметанина из Сюзьмы. У Сюземского Сметанина были свои суда, дом в Архангельске. Занимались зверобойкой, в Норвегию ходили» (Информант Сметанин М. Б. 1906 г. д. Яреньга)» [Цветкова, Трошина, 1990, л. 40]. «Отец, Мудьюгин Федор Максимович от Сметаниных плавал в Норвегию... с 1898 по 1901 гг. на шхунах “Надежде” и “Держава” <...> матросом» (Информант Н. Ф. Пурнемцева п. Ненокса) [Цветкова, 1990, л. 40]. Сметанины набирали на суда мужчин из деревень южного Беломорья для плаваний в Белом и Баренцевом морях.

Имя Авинира Буркова также зафиксировано в данной расчетной книге “Oppgjørsbog for Pomorer og Russer B” [Oppgjørsbog for Pomorer og Russer B]. Согласно данным, он упоминается в 1899 и 1900 гг. Известно, что Авинир родом из Патракеевской волости, и в 1889 г. он купил мореходный карбас «для морской промышленности и торговли с Норвегией» [Цветкова, 1990, л. 32].

Тесная и регулярная коммуникация становилась импульсом к созданию доверительных отношений, в значении ведения торговли это означило, что некоторые сделки бы-

ли совершены в долг, подразумевая последующую выплату. К примеру, в этой же расчетной книге есть расписка, написанная шкипером Алексеем Ф. Сопочкиным. Указано: «Остался должен тридцать пять (35 kron). Алексей Ф. Сопочкин. 1901 г. 24 Августа» [Opgjørsbog for Pomorer og Russer B, 1899-1907, p. 159]. Общая торговая операция составляла – 2918.97 крон [Opgjørsbog for Pomorer og Russer B, 1899-1907, p. 157]. Схожая ситуация произошла с крупным норвежским предпринимателем того времени Кристианом Фигеншу (от нор. Christian Figenschou). На расчетном листе запечатлена операция между Кристианом и Дмитрием Антофьевым (шкипером) на сумму 10 763 норвежских крон в 1899 г. Сюда входила рыба из Миккельвика (от нор. Mikkelvik), Торсвога (от нор. Torsvåg), Хельгой (от нор. Helgøy), Вестеролена (от нор. Vesterålen) – нескольких филиалов фирмы Кристиана. 2 200 норвежских крон было оплачено ржаной мукой, зерном и корой, 3 259 крон – наличными, 3 781 банковской операцией (от нор. bankanvisning) и 1 518 крон – кредит [Bratrein, 1992]. Имя Кристиан Фигеншу было широко известно в Северной Норвегии, он был важной фигурой в *поморской торговле*, поэтому его иногда приглашали посредником для осуществления торговых сделок [Bratrein, 1992].

Говоря о доверительных отношениях, стоит упомянуть тот факт, что русским промышленникам раз-

решалось брать в аренду хлебopекарные печи у частных пекарен для приготовления ржаного хлеба в поселениях Хельгой (от нор. Helgøy) и в Торсвог (от нор. Torsvåg) [Bratrein, 1992].

В некоторых случаях из-за чрезмерно активной деятельности поморов на местах пребывания, в норвежских прибрежных поселениях, происходили конфликты. Долгое пребывание вне дома значило, что им приходилось заготавливать продукты и древесину для личных потребностей. Русские промышленники собирали древесину, которая была выброшена на берег или плавала в прибрежных территориях, но из-за того, что и сами норвежцы претендовали на этот ресурс, зарождались конфликтные ситуации. В частности, жители Вардё (от нор. Vardø) и Киберга (от нор. Kiberg) неоднократно жаловались на данную ситуацию губернатору, но он не принимал запрещающих мер ввиду того, что норвежское население часто заходило на сухопутные территории России с целью сбора древесины и лишайников. Запрещающие меры на рыболовную ловлю могли повлечь ответные меры на сбор лишайников и древесины [Wessel-Berg, 1842].

Торговые и промысловые суда поморов

Поморы использовали карбасы с артелью из 3–5 человек; большие лоды; маленькие ранчины; а также шняки (или шнеки) – парусно-гребные судна, по размеру больше, чем карбас, но меньше, чем коч. В 1861 г. встречается последние

упоминание об использовании ранчины, а в 1886 г. последние упоминание о лодье [Bratrein, 1992]. В 1860-х годах произошла трансформация флота, все чаще используются шхуны. Шхуна – быстроходное парусное судно; обычно имела две или более мачты; команда шхуны 8–10 человек. В шхуне несколько кают, кают-компания, камбуз, отделение для груза и другие помещения. Однако географические особенности побережья Северной Норвегии играли роль в распределении потоков ветра и влияли на скорость судов. Зачастую подход к берегам Норвегии занимал много времени. По прибытии к берегу в Торсвог (от нор. Torsvåg) зуйки (подростки, которых отцы брали с собой на промысел или по торговым делам) забирались на гору и сооружали там каменные гурии (небольшие пирамидальные курганы) [Bratrein, 1992].

Во время пребывания в Норвегии поморы жили на своих судах. Иногда происходили деловые или дружеские визиты. Русские приглашали норвежцев в гости, угощали квасом и чаем [Bratrein, 1992]. Сохранилась запись от дочери Кристиана Фигеншу, где она рассказала о таком визите. Она говорила, что были приглашены ее родители, дети (она, братья и сестры) и няня-горничная. По ее воспоминаниям русские были щедрыми и добродушными, «угощали чаем, цукатами, орехами, конфетами, печеньем, вареньем и кренделями» [Bratrein, 1992, p. 125-126]. Судно было хорошо оборудовано, с каютами для проживания экипажа.

Пребывание на борту было долгим. Отцы разговаривали на “russe-norssk” [Bratrein, 1992, p. 125–126].

Язык международного общения

Руссенорск – это русско-норвежский пиджин, который был призван решать проблему общения русских и норвежцев в ходе поморской торговли. Он содержал ограниченное количество лексем: по разным источникам насчитывалось 350–400, но «постоянным ядром» являлось всего около 150 слов [Русинов, 1997]. Первые примеры слов встречаются в судебных книгах Финнмарка от 1785 г. и 1804 г. (от нор. Justisprotokoll for Finnmark, nr. 44 (1785); nr. 48 (1897)) [Цит. по: Брок, 2011, с. 73]. Пиджин – это редуцированный идиом, который возникает в ходе «экстремальной» ситуации, когда необходимо осуществлять коммуникацию, но ранее существующих механизмов для этого нет. Н. Ф. Михеева в своей статье «Методология изучения контактных языков и диалектов» выделяет важнейшее условие появления пиджинов – это «отсутствие двуязычных индивидов, то есть людей, владеющих обеими языками» [Михеева, 2011, с. 11]. Предполагается, что уже к 30-м годам XIX в. Руссенорск развивается до полноценного пиджина. Лексический состав Руссенорска также указывал на симметричность русско-норвежских отношений, он был обусловлен экономической (торговой) и промысловой деятельностью сторон, социальное равноправие которых создает два языка-лексификатора [Jahr, 2005;

Пшенико, 2023]. Таким образом, лексический состав имеет практически равные пропорции заимствованных слов из основных языков русского и норвежского, некоторые лексемы заимствованы из немецкого, английского и прочих языков [Broch, 1927]. В работе Г. П. Блома существует утверждение, что Руссенорск целенаправленно изучался торговцами и промысловиками, а норвежцы или русские, которые специальным образом его не изучали, не имели возможности его понимать [Blom, 1830]. Долгое время Руссенорск существовал как единственная форма общения, но в конце XIX – начале XX в. профессиональным торговцам пиджина становилось недостаточно. Купцы, торгующие с Россией, отправляли туда своих детей для изучения русского языка. Пиджин совершенствовал вербальную форму коммуникации, позволял устанавливать качественные деловые связи, а также содействовал установлению дружеских отношений между представителями разных культур.

Воспоминания Ю. Столсетта, норвежского учителя, свидетельствует о разговоре с поморами на руссенорске и фиксирует момент последней встречи с поморами [Hansen, 1978]. По сведениям, встреча состоялась в 1914 г., когда шкипер Корнов пригласил норвежцев на чай после решения торгового обмена рыбы и муки. Разговор происходил на руссенорске. Встреча была мирной и дружной до того момента пока не принести весть с

другого корабля о начале войны и мобилизации. Поморы попрощались на кладбище с русскими, погибавшими на чужой земле и в Норвегии, которая позднее стала им недоступна [Hansen, 1978].

Диффузия культур

Тесная коммуникация приводила к заимствованию культурных традиций. Например, именование людей было важной частью норвежской и русской культур. Ранее упомянутый купец Кристиан Фигеншу, который сотрудничал с поморами, помимо торговли, имел также и семейные связи с Россией. Его жена – Хансине (нор. Hansine), была внучкой русского шкипера Григория Подоморова [Bratrein, 1992, p. 117]. Они дали русские имена некоторым из своих детей – например Иван – Iwan (1887 г.р.) и Дмитрий – Dmitri (1889 г.р.) [Bratrein, 1992, p. 117].

Пребывание в Норвегии занимало несколько недель, а иногда даже месяцев, поэтому некоторые приезжали со своей семьей – женой и детьми. К примеру, шкипер Антофьев приезжал с семьей [Bratrein, 1992, p. 125]. Совместный досуг также можно рассматривать как вид межкультурного взаимодействия. По выходным промышленники сходили на берег и устраивали танцевальные представления, местная молодежь смотрела, а иногда даже принимала в них участие [Bratrein, 1992, p. 125-126]. Музыка и танцы сближали русских и норвежцев. Были возможны брачные и внебрачные связи между молодыми людьми. В Онежской уезде была

распространена поговорка: «Онега – та же Норвега».

В 1737 г. девушка из поселения Калстет (от нор. Kallslett) была привлечена к ответственности за то, что “avla barn med en russisk person” (родила ребенка от русского человека) [Bratrein, 1992].

Были случаи, когда русские переезжали в Норвегию на постоянное место жительства. Сведения от 1800 г. указывают, что Филипп Русс и Миккель Русс (вероятно, оба русские), проживали в поселениях Квинтес (от нор. Kvitnes) и Ванста (от нор. Vannstua) [Bratrein, 1992, p. 126]. Еще один пример, Иван Гегарин, который жил в Буройсунд (от нор. Burøysund) и в Торсвог (от нор. Torsvåg) в период с 1786 по 1802 года, где женился на норвежке и в браке родился ребенок [Bratrein, 1992, p. 126].

Вследствие долгого пребывания русских судов в Норвегии промышленники погибали. На норвежских лютеранских кладбищах русских не хоронили. С 1864 г. есть сведения о том, что у русских рядом с местным кладбищем было свое небольшое кладбище в Хелгое (от нор. Helgøy). Так же есть сведение о захоронении русского «в открытом поле» в 1897 г. в районе поселения Карлсой (от нор. Karlsøy). Позднее могила была перенесена на русское кладбище [Bratrein, 1992].

В целом норвежцы положительно относились к торговле с русскими, так как это являлось источником важного продукта – муки. Считалось, что даже «небольшая лодка» позволяла реализовать достаточное

количество рыбы, это позволяло обеспечить годовой запас муки. В 1900 г. были высказаны предложения об ограничении торговли с русскими, в связи с чем можно было наблюдать политическое противостояние, даже Кристиан Фигеншу принял участие в общественных дебатах за отстаивание свободы торговли. Таким образом, на парламентских выборах 1900 и 1903 года Поморская торговля была одним из самых обсуждаемых вопросов. Альфред Эриксен использовал данный вопрос в своей предвыборной кампании, когда был выбран в парламент Норвегии от рабочей партии [Bratrein, 1992].

Заключение

Поморская торговля представляла собой не только взаимовыгодное экономическое явление, но также становилась важным каналом межкультурной коммуникации и диалога на основе уважения самобытности каждой из культур. Регулярные симметричные контакты вели к обмену культурными практиками, языковыми формами и социальными традициями. Вербальные и невербальные формы общения становились мостами коммуникации. Персональные (личные) контакты играли значительную роль в развитии поморской торговли, дополняя общую динамику взаимодействия территорий. Индивидуальные связи способствовали культурной диффузии в профанной сфере общения, тогда как сакральная сторона жизни – православие и протестантизм в лютеранской форме – оставалась

духовной границей между русскими и норвежцами. Позитивный опыт диалога культур в ходе *поморской торговли* требует глубокого изучения и, может быть, востребован в других пограничных регионах.

Библиографический список

1. Аристов Н. Я. Промышленность древней Руси. Санкт-Петербург : тип. Королева и К°, 1866. 331 с.
2. Брок И. Оценка языка-пиджина руссенорск глазами современного лингвиста // Tromsø : Poljarnyj vestnik, 2011. С. 70–79.
3. Загоскин Н. П. Русские водные пути и судовое дело в до-петровской России : историко-географическое исследование. Казань : Лито-Типография, 1910. 502 с.
4. Михеева Н. Ф. Методология изучения контактных языков и диалектов // Разработка единой методики описания и комплексного изучения контактных языков. Москва : РУДН, 2011. С. 4–37.
5. Пшенко Р. А. Коммуникация Севера России и Северной Норвегии: лексические заимствования и влияние на поморский диалект // Ломоносовские научные чтения студентов, аспирантов и молодых ученых – 2023: сборник материалов конференции. Архангельск : Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2023. Том 1. С. 651–655.
6. Русинов А. Do you speak moja-po-tvoja? // Вся Норвегия на русском: сайт. 1997. URL: http://www.norge.ru/moja_po_tvoja. (дата обращения: 25.02.2025).
7. Цветкова Л. И. Отчет об экспедиции на Летний берег. 1990 г. / Л. И. Цветкова, Т. И. Трошина // Научный архив ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей». Ф. 3. Оп. 3. Д. 574. 62 л.
8. Шаскольский И. П. Об одном плавлении древнерусских мореходов вокруг Скандинавии (Путешествие Григория Истомина) // Путешествия и географические открытия в XV–XIX вв. Москва ; Ленинград : Наука, 1965. С. 7–30.
9. Шрадер Т. А. Взаимовлияние культур русских и норвежцев в период Поморской торговли (XVIII–XIX вв.) // Кунсткамера. 2020. № 3 (9). С. 141–147.
10. Шрадер Т. А. С торгом в Норвегу: (поморская торговля как фактор взаимовлияния культур) // Скандинавские чтения; Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2008. С. 256–273.
11. Blom G. P. Bemærkninger paa en Reise i Nordlandene og igjennem Lapland til Stockholm i Aaret 1827 // Christiania : Tryckt i det Wulfsbergske Bogtrykkerie af R. Hviid og paa hans Forlag, 1830. 159 p.
12. Bratrein H. D. Trofanoff og Gamle Kopeka. Helgøykongen og pomorene // Pomor. Nord-Norge og Nord-Russland gjennom tusen år. Oslo : Gyldendal Norsk Forlag, 1992. P. 117–128.
13. Broch O. Russenorsk // Maal og Minne. 1927. P. 81–130.
14. Brodtkorb Handel A/S // Varanger museum: official website. 2020. URL: https://www.varangermuseum.no/brodtkorb-handel-a-s/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 25.02.2025).
15. Friis J. A. En Sommer i Finmarken, russisk Lapland og Nordkarelen : skildringer af Land og Folk. Christiania : Cammermeyer, 1871. 390 p.
16. Hansen H. Nordnorske konturer og profiler. Trondheim : Rune, 1978. 194 p.

17. Jahr E. Russenorsk. Language contact in Scandinavia in the 19th century // The Nordic Languages. Vol. 2. Berlin, Boston : De Gruyter Mouton, 2005. P. 1538–1542.
18. Opgjørsbog for Pomorer og Russer B. VAMU/A-0001: Brodtkorb handel A/S, 1899–1907 // Arkivverket : VAMU/A-0001/F/Fd/L0001. 398 p.
19. Thuen T. Two Epochs of Norwegian-Russian trade relations: From symmetry to asymmetry // Tromsø : Acta Borealia. 1993. №10(2). P. 3–18.
20. Wessel-Berg Fr. Kongelige Rescripter, Resolutioner, og Collegial-Breve for Norge 1660-1813 (1746–1780) // Christiania : Chr. Grøndahl. 1842. Vol. 2. 365 p.

Reference list

1. Aristov N. Ja. Promyshlennost' drevnej Rusi = The industry of ancient Russia. Sankt-Peterburg : tip. Koroleva i K^o, 1866. 331 s.
2. Brok I. Ocenka jazyka-pidzhina russenorsk glazami sovremennogo lingvista = Assessing the pidgin language Russenorsk through the eyes of a modern linguist // Tromsø : Poljarnyj vestnik, 2011. S. 70–79.
3. Zagoskin N. P. Russkie vodnye puti i sudovoe delo v do-petrovskoj Rossii : istoriko-geograficheskoe issledovanie = Russian waterways and shipping in Russia before Peter the Great : a historical and geographical study. Kazan' : Lito-Tipografija, 1910. 502 s.
4. Miheeva N. F. Metodologija izuchenija kontaktnyh jazykov i dialektov = Methodology of learning contact languages and dialects // Razrabotka edinoj metodiki opisanija i kompleksnogo izuchenija kontaktnyh jazykov. Moskva : RUDN, 2011. S. 4–37.
5. Pshenko R. A. Kommunikacija Severa Rossii i Severnoj Norvegii: leksicheskie zaimstvovanija i vlijanie na pomorskij dialekt = Communication between Northern Russia and Northern Norway: lexical borrowings and their influence on the Pomor dialect // Lomonosovskie nauchnye chtenija studentov, aspirantov i molodyh uchenyh – 2023 : bornik materialov konferencii. Arhangel'sk : Sev. (Arktich.) feder. un-t im. M. V. Lomonosova, 2023. Tom 1. S. 651–655.
6. Rusinov A. Do you speak moja-po-tvoja? // Vsja Norvegija na russkom: sajт. 1997. URL: http://www.norge.ru/moja_po_tvoja. (data obrashhenija: 25.02.2025).
7. Cvetkova L. I. Otchet ob jekspedicii na Letnij bereg. 1990 g. = Report on the expedition to the Summer Coast. 1990 / L. I. Cvetkova, T. I. Troshina // Nauchnyj arhiv GBUK AO «Arhangel'skij kraevedcheskij muzej». F. 3. Op. 3. D. 574. 62 l.
8. Shaskol'skij I. P. Ob odnom plavanii drevnerusskih morehodov vokrug Skandinavii (Puteshestvie Grigorija Istomina) = About a voyage of ancient Russian sailors around Scandinavia (Grigory Istomin's voyage) // Puteshestvija i geograficheskie otkrytija v XV–XIX vv. Moskva; Leningrad : Nauka, 1965. S. 7–30.
9. Shrader T. A. Vzaimovlijanie kul'tur russkih i norvezhcev v period Pomorskoj trgovli (XVIII-XIX vv.) = The mutual influence of Russian and Norwegian cultures during the Pomor trade (XVIII-XIX centuries) // Kunstkamera. 2020. № 3 (9). S. 141–147.
10. Shrader T. A. S torgom v Norvegu: (pomorskaja trgovlja kak faktor vzaimovlijanija kul'tur) = With trade to Norway: (Pomor trade as a factor of cultural interaction) // Skandinavskie chtenija; Sankt-Peterburg : MAJe RAN, 2008. S. 256–273.
11. Blom G. P. Bemærkninger paa en Reise i Nordlandene og igjennem Lapland til Stockholm i Aaret 1827 // Christiania : Tryckt i det Wulfsbergske Bogtrykkerie af R. Hviid og paa hans Forlag, 1830. 159 p.

12. Bratrein H. D. Trofanoff og Gamle Kopeka. Helgøykongen og pomorene // Pomor. Nord-Norge og Nord-Russland gjennom tusen år. Oslo : Gyldendal Norsk Forlag. 1992. P. 117–128.
13. Broch O. Russenorsk // Maal og Minne. 1927. P. 81–130.
14. Brodtkorb Handel A/S // Varanger museum: official website. 2020. URL: https://www.varangermuseum.no/brodtkorb-handel-a-s/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 25.02.2025).
15. Friis J. A. En Sommer i Finmarken, russisk Lapland og Nordkarelen : skildringer af Land og Folk. Christiania : Cammermeyer, 1871. 390 p.
16. Hansen H. Nordnorske konturer og profiler. Trondheim : Rune, 1978. 194 p.
17. Jahr E. Russenorsk. Language contact in Scandinavia in the 19th century // The Nordic Languages. Vol. 2. Berlin, Boston : De Gruyter Mouton, 2005. P. 1538-1542.
18. Opgjørsbog for Pomorer og Russer B. VAMU/A-0001: Brodtkorb handel A/S, 1899-1907 // Arkivverket : VAMU/A-0001/F/Fd/L0001. 398 p.
19. Thuen T. Two Epochs of Norwegian-Russian trade relations: From symmetry to asymmetry // Tromsø : Acta Borealia. 1993. №10(2). P. 3–18.
20. Wessel-Berg Fr. Kongelige Rescripter, Resolutioner, og Collegial-Breve for Norge 1660-1813 (1746–1780) // Christiania : Chr. Grøndahl. 1842. Vol. 2. 365 p.

Статья поступила в редакцию 23.06.2025; одобрена после рецензирования 22.07.2025; принята к публикации 15.08.2025.
The article was submitted on 23.06.2025; approved after reviewing 22.07.2025; accepted for publication on 15.08.2025